

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/DRJESB>
УДК 821.161.1.0 + 821.112.2.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52 +
83.3(4Гем)51

«ОТСТУПЛЕНИЕ В ПОХВАЛУ ОСЛА» ГЕНРИХА КОРНЕЛИЯ АГРИППЫ НЕТТЕСГЕЙМСКОГО В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

© 2026 г. Т.А. Касаткина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 16 марта 2026 г.
Дата одобрения рецензентами: 30 апреля 2026 г.
Дата публикации: 25 сентября 2026 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-294-313>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов», <https://rscf.ru/project/25-18-00009/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В ранней юности Достоевский увидел для себя единственное дело жизни — постигать тайну человека и тайну Бога. Такая жизненная задача неизбежно предполагала обращение к книгам европейской эзотерической традиции и, как следствие, их функциональное присутствие в произведениях писателя. В частности, таковыми оказались книги Агриппы Неттесгеймского, сыгравшие значительную роль в возникновении замысла и в организации текстового пространства «Преступления и наказания» и «Идиота». Обычно книги, столь важные для его произведений, Достоевский не только прямо упоминает, но и вводит в повествование как элемент сюжета, как предмет. Однако в данном случае мы имеем дело с необычной ситуацией — книга, играющая роль весьма нетривиального мировоззренческого ориентира в тексте Достоевского, должна быть там упомянута — но в силу внешних по отношению к тексту причин не может быть упомянута. Достоевский выходит из положения и все же вписывает нужную ему книгу в текст — и если в «Идиоте» мы считываем эту отсылку к сочинению Агриппы, то вместо «таинственного» названия романа, разгадыванию которого исследователи посвятили немало усилий, у нас оказывается прозрачное по значению название, задающее к тому же программу хода романного действия в самых «странных» (в том случае, если мы не учитываем текст Агриппы) его поворотах.

Ключевые слова: книга в книге, построение глубокого текста, Достоевский, «Идиот», «Преступление и наказание», Агриппа Неттесгеймский, “*Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium atque excellentia verbi Dei*,” “*Declamatio de nobilitate et praecellentia foeminei sexus*”

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Для цитирования: Касаткина Т.А. «Отступление в похвалу осла» Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского в романе Достоевского «Идиот» // *Studia Litterarum*. 2026. Т. II, № 3. С. 294–313. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-294-313>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

“DIGRESSION IN PRAISE OF THE ASS” BY HEINRICH CORNELIUS AGRIPPA VON NETTESHEIM IN DOSTOEVSKY’S *THE IDIOT*

© 2026. Tatiana A. Kasatkina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: March 16, 2026

Approved after reviewing: April 30, 2026

Date of publication: September 25, 2026

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009: “Characters’ Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky’s Mature Works (1859–1881)” (<https://rscf.ru/project/25-18-00009/>).

Abstract: In his early youth, Dostoevsky recognized a single life purpose for himself: to comprehend the mystery of man and the mystery of God. Such a life’s task inevitably presupposed an engagement with the books of the European esoteric tradition and, consequently, their functional presence in the writer’s works. In particular, the writings of Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim played a significant role in the formation of both the conceptual framework and the textual organization in *Crime and Punishment* and *The Idiot*. As a rule, Dostoevsky not only directly mentions books that are so important for his works but also introduces them into the narrative as an element of the plot, as an object. In this instance, however, we encounter an unusual situation: a book that functions as a highly non-trivial worldview reference point in Dostoevsky’s text ought to be named explicitly, yet for reasons extraneous to the text it cannot be mentioned. Dostoevsky resolves the problem by nevertheless inscribing the book he needs into the text. If, in *The Idiot*, we decipher this reference to Agrippa’s work, the novel’s “mysterious” title — over which scholars have long labored — becomes transparent in meaning and, moreover, sets the program for the course of the novel’s action, including its most “strange” turns — strange only if Agrippa’s text is not taken into account.

Keywords: book within a book, structure of a deep text, Dostoevsky, *The Idiot*, *Crime and Punishment*, Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim, *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium atque excellentia verbi Dei*, *Declamatio de nobilitate et prae excellentia foeminei sexus*

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

For citation: Kasatkina, T.A. “‘Digression in Praise of the Ass’ by Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim in Dostoevsky’s *The Idiot*.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 294–313. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-294-313>

се, Царь твой грядет,
сидя на молодом осле
(Ин. 12: 15)

«Вы, может быть, по себе судите?» — спрашивает Кириллова хроникер «Бесов». «Всякий не может судить как по себе» [15, т. 10, с. 93], — отвечает тот, покраснев. Состояние исследований творчества Достоевского очень наглядно подтверждает утверждение Кириллова как минимум в одном аспекте.

Проблема «суждения по себе» заключается в том, что мы все еще не очень представляем себе, какой круг чтения был *естественным* для окружения Достоевского — и *востребованным* для него самого *как исследователя, с юности увлеченного онтологической, а не психологической тайной человека*. А этот круг чтения очень отличается от нашего — и того, который был сформирован в советскую эпоху образовательным (и/или альтернативным) каноном, и нынешнего, разбившегося на информационные пузыри, в которых те, что читают определенный сегмент книг, относящихся к кругу чтения Достоевского, и *любого*, кто в его время устремился бы исследовать *тайну человека*, вряд ли читают пристально самого Достоевского (по крайней мере настолько пристально, чтобы мгновенно опознать явно и прямо отозвавшуюся в романе книгу при ее чтении).

Посмотрим на свидетельства самого Достоевского (редкие, поскольку для него процесс чтения был настолько же естественен, насколько был естественен и процесс ежедневного посещения за границей художественных музеев — и если бы не воспоминания Анны Григорьевны, мы бы со-

всем себе не представляли, что такое посещение было ежедневной рутинной) (подробнее см.: [2, с. 120–135]).

11 (23) декабря 1868 г. из Флоренции, завершая роман «Идиот», Достоевский пишет А.Н. Майкову: «Здесь же у меня на уме теперь 1) огромный роман, название ему “Атеизм” (ради Бога, между нами), но **прежде чем приняться за который, мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных**. Он поспеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше как через два года. Лицо есть: русский человек нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — вдруг, уже в летах, **теряет веру в Бога**. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая; глубокое чувство, человек и русский человек). **Потеря веры в Бога действует на него колоссально**. (Собственно действие в романе, обстановка — очень большие). **Он ныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога»** [15, т. 28(2), с. 329]¹.

А в письме Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. из Дрездена он, описывая идею «Жития великого грешника», прямо сопоставляет ее с тем, что и для него самого стало побудительным мотивом к непрестанному духовному поиску: **«Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие**. Герой, в продолжение жизни, то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист: 2-я повесть будет происходить вся в монастыре» [15, т. 29 (1), с. 117].

Очевидно, что в «Житии великого грешника» организует повествование та же идея вопрошания о существовании Божиим как процесса становления человеком, обретения себя, что и в «Атеизме», — и **для раскрытия этой идеи**, для ответа на тот вопрос, который оказывается мучившим Достоевского всю жизнь, как минимум — с того самого времени, когда он, 17-летний, пишет брату о том, что собирается посвятить жизнь **разгадке**

¹ В цитатах здесь и далее: курсив + полужирный — выделено мной. Полужирный — выделено цитируемым автором. — Т.К.

тайны человека [15, т. 28 (I), с. 63] и, как поэт, разгадке тайны Бога [15, т. 28 (I), с. 54], **необходимо прочесть библиотеку** посвященных ответу на этот вопрос **книг самых разных направлений и степеней ортодоксальности**, следуя указанию ап. Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (I Фес. 5: 21).

И Достоевский, конечно, не ждал до начала 1869 г., чтобы начать начитывать эту библиотеку. И при этом он, конечно, не мог миновать того, что мы сейчас называем европейской эзотерической традицией, **потому именно, что она вся посвящена поискам ответа на вопрос: что есть человек?** И 17-летний молодой человек, поставив перед собой этот вопрос как **единственное дело жизни**, естественно должен был обратиться к тем писаниям, в которых авторы стремились отвечать на тот же вопрос.

Между тем исследователи Достоевского в эти книги, как кажется, по большей части не заглядывают. Это доходит до таких масштабов, что даже когда книга оказывается почти прямо упомянута в романе — самый вдумчивый исследователь бывает склонен предположить скорее незнание ее Достоевским, чем знание. Так, Борис Тихомиров, описав еще в 2005 г. наличие «отзвука» книги Агриппы «О благородстве и преимуществе женского пола» [13]² в «Преступлении и наказании»³ даже на **самом глубинном** плане «соотношения в романе образов Раскольникова и Сони Мармеладовой» [9, с. 149], одновременно указал: «Стиль и парадоксальная система аргументов анонимного автора, а также то, как его “диссертация” была представлена в фельетоне Елисеева, вызывали у читателей подозрение, что это, скорее всего, остроумная пародийная мистификация самого фельетониста. <...> **Именно как мистификацию, по-видимому, воспринял публикацию Елисеева и Достоевский (“глупейшее шарлатанство”⁴)**» [9, с. 148].

Однако в моей недавней статье «Человек ли женщина? О “смешной и неважной” ссылке на журнал и книгу в “Преступлении и наказании”» [4] я наглядно показываю, что Достоевский хорошо знал книгу Агриппы. Показываю я это, основываясь на тех ее мощно отозвавшихся в романе

2 Более точный перевод названия: «О достоинстве и превосходстве женского пола» [14].

3 Через посредство «Внутреннего обозрения» Г.З. Елисеева в журнале «Современник» (1861, № 5) [16].

4 Обратим внимание на то, что это слова **героя**, а не автора — и что эти слова героя максимально усиливают восприятие им описываемого как **смешного**.

утверждениях, которые **не были включены** Елисеевым, процитировавшим **половину** ее текста, в его обозрение.

Итак, Достоевский в течение жизни (и не сообщая об этом в письмах или иным образом — за обыденностью происходящего) библиотеками читает книги, пытающиеся отвечать на вопрос о загадке человека и Бога. При этом если большая часть начитанного естественным образом уходит в подтекст его произведений и может быть приблизительно опознана только по упоминаемым темам и фактам, то ряд книг он считает нужным прямо назвать в тексте, а некоторые из них — еще и ввести в действие как предметы — и это является очень важным приемом, позволяющим автору в отсутствие прямого идеологического высказывания выстраивать свой «указующий перст, страстно поднятый» [15, т. 24, с. 308]⁵.

Самое интересное, однако, происходит, когда книга, в силу своей огромной роли **весьма нетривиального мировоззренческого ориентира** в тексте Достоевского, **должна** быть там упомянута — но по каким-то посторонним текстурным причинам **не может** быть упомянута. Именно это и происходит в двух первых романах «великого пятикнижия» писателя с книгами Агриппы Неттесгеймского.

Что же делает книгу Агриппы настолько нетривиальным мировоззренческим ориентиром для «Преступления и наказания»?

В этом романе важнейшая тема — это тема наставничества не (только) назиданиями, а собственной жизнью, тема Христова наставничества, путеводительства, воплощаемая в образе Сони Мармеладовой. Тема эта не была внятна даже читателям рубежа XIX–XX вв., впервые начавшим читать Достоевского на символической глубине. Бердяев, например, прямо заявлял, что женщина у Достоевского — лишь «момент **в судьбе мужчины, в пути человека**» [1, с. 404], — без всякой рефлексии приравнивая в этой фразе «мужчину» к «человеку». То есть для Бердяева в этом высказывании женщина таки не человек, и свое такое видение он смело приписывает и Достоевскому. У М.Н. Каткова же, публиковавшего роман в «Русском вестнике», эта тема вызвала такое отвращение, что главу о чтении Евангелия Достоевскому пришлось значительно переделать, убрав оттуда Сонино на-

5 О том, насколько для Достоевского это важнейшее и масштабно употребляемое средство достижения точности авторского высказывания, позволяющее при этом избежать назидательности и назойливости, см.: [3].

ставничество назиданиями [2, с. 178–194] — и передав часть высказывавшихся ею идей Порфирию Петровичу [8, с. 221].

Из дальнейшего изложения в книге Бердяева видно (и это очень иронично), что Бердяев потому и не видит самостоятельной женской судьбы у Достоевского, что женщина непредставима для него в качестве путеводителя и наставника⁶, что она видится ему *самостоятельной* именно тогда, когда она становится *игрушкой страстей*, влекущих и привязывающих ее к мужчине (Анна Каренина, Наташа Ростова). И эта непредставимость — практически общее место для мировоззрения русского читателя, для которого пишет Достоевский.

Следовательно, ему нужно поставить читателя на иную исходную точку, чтобы тот был способен воспринять то, что Достоевский хочет донести. Эту точку нужно обозначить максимально отчетливо — а это можно сделать, введя в повествование книгу, в которой эта исходная точка, этот неочевидный для читателя принцип описаны не символически (как у Данте, у которого, впрочем, Беатриче как путеводительница может выступать, лишь лишившись земного воплощения, а ее плотское присутствие в «Новой жизни» — инструмент запуска преобразований тела и души поэта, взаимодействующего с ней лишь на дистанции) — а прямо, идеологически откровенно, настойчиво и в лоб. «О достоинстве и превосходстве женского пола» — именно такая книга, написанная к тому же одним из знаменитейших авторов Европы, чью известность в XIX в. современный читатель и исследователь Достоевского, судя по себе, *очень сильно*⁷ недооценивает.

6 Собственно, именно столь важную роль *второго*, соучастника в судьбе других персонажей романа, которую в полноте у Достоевского выразит Алеша Карамазов (и для подчеркивания которой Достоевский напишет предисловие «От автора» к «Братьям Карамазовым»), — ту роль, что берет на себя Христос в жизни каждого человека, Бердяев и называет «лишь моментом в судьбе человека».

7 Напомню только, что Агриппу с его черной собакой считали прообразом Фауста Гете и что Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» посвятил ему отдельную главку. Вот описание Агриппы в отечественном словаре 1863 г. издания: «Агриппа, Конр. <sic> Генр., неттесгеймский, род. 1486 в Кельне, один из даровит. людей своего времени; как едкий сатирик был постоянно в ссорах; вел жизнь полную приключений, ум. в Гренобле 1535 г. Его сочинение “De incertitudine et vanitate scientiarum” (Кельн, 1527 г.) есть едкая сатира на тогдашнее состояние науки. См. *Carrière*: “Philos. Weltanschauung d. Reformationszeit” (1847)» [17, с. 30]. А вот что пишет о популярности (и заодно — о доступности для читателя) текстов Агриппы Марк ван дер Пол: “The *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium atque excellentia verbi Dei* [*Declamation on the Uncertainty and Worthlessness of the Sciences and the Arts, and on the Excellence of the Word of God*], written in 1526 and published in 1530 by Heinrich Cornelius

Кроме того, как уже было сказано, почти половина текста из этой книги совсем недавно относительно времени создания романа была воспроизведена во «Внутреннем обозрении» Елисеева в журнале «Современник» [16], раздел которого обозначен словами: «Женщины — люди ли?» «Обозрение» Елисеева, как я подробно показала в статье [4], Достоевскому тоже очень пригодилось для включения в систему отсылок, формирующую авторскую философию в романе, который Бахтин назвал «полифоническим», но который я бы предпочла описать как роман, не предполагающий прямого идеологического авторского высказывания в силу «отступательной», а не «наступательной» по отношению к читателю стратегии автора — но неизменно сохраняющий в себе при этом авторский «перст, страстно поднятый».

Почему же, однако, Достоевский, сделавший открытое присутствие книги в своем тексте важным приемом⁸, не упоминает *прямо* хотя бы статью Елисеева? Потому что, хотя «Современник» закрыли императорским указом окончательно только в конце мая 1866 г. (по старому стилю), то, что дело большими шагами к тому движется, в 1865 г. было уже вполне очевидно. То есть Достоевский дает косвенную отсылку к Елисееву по цензурным соображениям (точнее сказать — по соображениям самоцензуры), втрое для него актуальным: как для бывшего политического заключенного, находящегося под негласным надзором, и фактического редактора двух журналов, закрытых цензурой. И по тем же соображениям он прямо не упоминает Агриппу — а строит косвенную, «*смешную*» отсылку, которую читатель именно из-за ее эмоциональной нагруженности и видимой нелепости не может пропустить.

Агриппа также не был одобряемым чтением в Российской империи — и за публикацию на русском языке его книги переводчику (священнику)

Agrippa von Nettesheim (1486–1535), is a good example of a Latin humanist text so popular that it was translated into several vernaculars during its own century. An Italian translation was published in 1547, an English translation in 1569, and a French one in 1582" [10, p. 305]. («Речь о недовосхождении наук и искусств и о превосходстве Слова Божия», написанная в 1526 и опубликованная в 1530 г. Генрихом Корнелиусом Агриппой Неттесгеймским, представляет собой хороший пример *настолько популярного* гуманистического текста на латыни, что он был переведен на несколько народных языков уже в том веке, в каком был создан. Перевод на итальянский был опубликован в 1547, на английский — в 1569, на французский — в 1582» (перевод мой. — Т.К.)).

8 См. об этом также: [5].

пришлось оправдываться и извиняться даже в 1784 г.⁹ — т. е. еще до начала систематических гонений на масонов и издаваемую ими литературу, до указа Екатерины о запрещении продажи «всех книг, до святости касающихся, кои не в синодальной типографии напечатаны» [18, с. 47], изданного в июле 1787 г. Книги эти, несмотря на запрет (и несмотря на сожжение оставшихся в лавках нераспроданных частей тиражей [18, с. 48]), не переставали тем не менее циркулировать в среде тех, кого воистину волновала «тайна человека», но сослаться на них прямо было невозможно ни для Елисеева (хотя он в своей перепечатке максимально постарался «подергать тигра за усы»), ни тем более для бывшего каторжника, еще и десяти лет не прошло как получившего вновь разрешение печататься.

Итак, Агриппу Достоевский — и, судя по всему, именно (или также) в 1860-е гг. — читал — и не только переведенное на русский язык «О благородстве и преимуществе женского пола», но и не переведенные на русский его сочинения, которые, впрочем, как мы видели, уже в XVI в. были переведены на многие европейские языки, включая французский, и позднее переводы переиздавались [21] (при том, что Достоевскому был доступен и латинский текст [20]).

Почему именно в 1860-е гг.? Потому что следующий за «Преступлением и наказанием» его роман получил свое **название и первоначальную концепцию** непосредственно из сочинения Агриппы «О недостоверности и тщете наук и искусств и о превосходстве Слова Божия» (вариант перевода названия: «О ненадежности и тщете мирских искусств и наук» [12]; “De incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium”, 1531), самая знаменитая — 102 — глава которого называется «Отступление в похвалу осла»¹⁰.

9 «Как сообщает “Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800”, “появление этой книги вызвало недовольство со стороны Екатерины II. Отрицая свое участие в ее переводе, Петр Алексеев писал духовнику Екатерины II Иоанну Памфилову, что книгу перевел не он, а его покойный брат Иван Алексеевич Алексеев, и что рукопись перевода он переслал Е.Р. Дашковой в 1783 г. не для напечатания, а «для одной курьезности», «без одобрения моего, но еще со внушением о имеющихся в самом оригинале одного нелепостях». В типографском паспорте от 17.VII 1783 г. <...> записано, однако: «Напечатать 600 экз. на академический счет переведенной Моск. Архангельского собора протоиереем **Петром Алексеевым** книги под названием “О благородстве и преимуществе женского пола”» [13, с. 123].

10 «Знаменитой» называет ее, например, Френсис Йейтс, описывая книгу Агриппы: “Then follows Agrippa’s famous Praise of the Ass” [11, p. 50] — а она хорошо представляет себе степень распространенности и известности подобных текстов в Европе.

Я говорю именно о *первоначальной* концепции, поскольку именно в первой части романа «Идиот», вышедшей в январском номере «Русско-го вестника» за 1868 г., т. е. тогда, когда Достоевским из всего романа написано (что не равно «продумано», конечно) буквально только то, что и будет опубликовано в этом номере, и не написано еще даже февральской порции текста (в которой иначе, по принципу дополнительности к первому варианту, будет обыграно сочетание «лев» — «осел» — с отсылкой к басне Крылова)¹¹, — так вот, именно в этой первой январской части нам настойчиво и концентрированно предъявлено сопряжение слов-концептов «идиот» — «осел» — «человек» (и еще и «лев»), не воспроизводящееся более в таком виде в дальнейшем ходе романа, хотя основные линии исходного концептуального замысла будут сохранены. Сочетание же слов-концептов не будет воспроизводиться, как я полагаю, в силу значительного усложнения той первоначальной концепции, которая при сопоставлении с текстом Агриппы начинает, наконец, выглядеть как достаточно простая и понятная схема, идеально вписывающаяся в круг фундаментальных идей и устремлений Достоевского того времени¹².

Итак, что же мы находим в тексте Агриппы?

При переходе к собственно «Отступлению в похвалу осла», в заключении главы «Об учителях наук» Агриппа пишет:

Поэтому лучше и полезнее быть *идиотами* <это буквальная калька, у Агриппы — *idiotas*. — Т.К.> и совсем не знать наук <собственно, Мышкин об этом своем незнании неоднократно сообщает, как в первой части, так и далее, по ходу романа¹³. — Т.К.>, *исповедовать Бога посредством веры и любви*

¹¹ См. об этом: [6].

¹² Пример попытки описать подобную схему — и особенно причину неожиданного появления фигуры осла — без обращения к книге Агриппы см. в: [7]. Хотя автор предпринимает довольно изощренную попытку и понимает, что истоки сцены с ослом обретаются в культуре средневековой Европы, слишком многие элементы, присутствующие в первой части романа, из реконструируемой системы выпадают, а другие оказываются притянуты к тексту Достоевского без достаточных оснований.

¹³ Вот характерный разговор Аглаи с князем: « — Знаете ли, — сказала ему раз Аглая, прерывая газету, — я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки. — Я вам сказал, что я небольшой учености, — ответил князь. — Что же в вас после этого? Как же я могу вас уважать после этого? Читайте дальше; а впрочем, не надо, перестаньте читать» [15, т. 8, с. 430]. Собственно, Агриппа далее в цитате как раз и

и приближаться к Богу, нежели возноситься посредством тонкостей наук и, надмеаясь, попадать под влияние змия. Так читаем в Евангелиях, как Христа принимали **идиоты**, грубый народ и толпа простого люда, и как его ненавидели и презирали первосвященники, законоведы, книжники, учителя и раввины, и гнали его до самой смерти; поэтому и сам Христос своими апостолами избрал не раввинов и не книжников, не учителей, не священников, но **идиотов** из простого народа, *не ведающих никакой науки*, невежественных и **ослов** [12, с. 409]¹⁴.

Далее, слова Мышкина, завершающие рассказ о его пробуждении в Базеле под крик осла, представляют собой почти точный сокращенный перевод слов Агриппы, а часть слов Агриппы — точные текстовые характеристики князя Мышкина.

— С тех пор я ужасно люблю ослов. Это даже какая-то во мне симпатия. Я стал о них расспрашивать, потому что прежде их не видывал, и тотчас же сам убедился, что это преплезнейшее животное, рабочее, сильное, терпеливое, дешевое, переносливое; и чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться, так что совершенно прошла прежняя грусть [15, т. 8, с. 48].

Агриппа так начинает свою похвалу ослу: «Но дабы никто не оклеветал меня, что я **апостолов** назвал **ослами**, кратко объясним мистерию самого осла, не отходя от главной темы. Ибо еврейские ученые толкуют, что это животное служит символом силы, дивной крепости, терпения и милосердия, и что он находится под влиянием **сфирот** под названием **хохма**, то есть мудрость. Ибо даруемое ей состояние более всего необходимо послушнику премудрости, так как он живет скромным пропитанием и всем довольствуется, терпит нужду, голод, изнурение, бедствия, поправление, тер-

отвечает на вопросы, что же привлекает в «невежественном идиоте» и за что его можно уважать.

¹⁴ Держась, главным образом, представленного нам недавно перевода (и с глубокой благодарностью переводчику за его осуществление), я все же позволила себе в ряде случаев несколько поправить перевод, опираясь на издание [20], сообразуясь со смыслом латинского текста и несколько отходя от формальной буквальности, следуя правилу, вспоминаемому одним из героев Достоевского: «Это как в латинской грамматике, помнишь: значение предпосчитается окончанию» [15, т. 3, с. 273].

пеливейший к любому гонению, простейшего и беднейшего духа, так что он **не умеет отличить латук от чертополоха** <и это вот словно прямо сказано про смешение князем Настасьи Филипповны и Аглаи. — Т.К.>, сердцем чист и невинен, не имеет желчи, со всем на свете имеет мир и терпеливо подставляет спину всем бременам, в награду за что никогда не имеет вшей, редко подвержен болезням и позднее прочих животных оканчивает жизнь. <...> ...Осел выполняет множество необходимых трудов сверх меры, ибо разрывает землю плугом и тащит повозки немалого веса. Труд его особенно употребляется при мельницах и при просеивании зерна, и всякая деревня нуждается в столь необходимом инструменте, как осел <заметим, что 1) в духовном смысле вся деятельность Мышкина в мире, т. е. все его общение с людьми, и есть просеивание зерна и отделение плевел **внутри человека** и что 2) восприятие его персонажами в первой части романа почти утрированно **инструментально**: каждый говорит про себя или вслух, что князя именно ему Бог послал для решения тех или иных его — часто мелких и даже этически сомнительных — проблем. — Т.К.>» [12, с. 409–410].

Завершается разговор об осле в романе Достоевского совсем уж прямым отождествлением осла и князя (при том, что князь прямо назовет осла **человеком**, — и такое отождествление — лейтмотив текста Агриппы — и это не то чтобы общее место в христианском дискурсе, как мы еще увидим). Вот диалог князя с генеральшей Епанчиной: «А я все-таки стою за осла: осел добрый и полезный человек. — А вы добрый, князь? Я из любопытства спрашиваю, — спросила генеральша. Все опять засмеялись. — Опять этот проклятый осел подвернулся; я о нем и не думала! — вскрикнула генеральша. — Поверьте мне, пожалуйста, князь, я без всякого...» [15, т. 8, с. 49].

Агриппа также прямо переходит от **ослов** к **идиотам**, которых отождествляет с апостолами и учениками Христовыми, по сути выговаривая тем самым напрямую вызывающий столькие споры и сомнения замысел романа Достоевского (по крайней мере — в его первоначальном виде): «Вот так, говорю, очень часто простой и грубый идиот видит то, чего не может видеть развращенный человеческими науками ученый схоласт <...>. Разве Христос устами своих ослов, простых и грубых идиотов, апостолов и учеников не побеждает и не поражает всех языческих философов и иудейских крючкотворов, разве Он не поверг и не уничтожил всю человеческую премудрость, **выводя для нас из челюсти этих ослов воды жизни и вечной**

премудрости?» [12, с. 412]. Собственно, последняя фраза — предельно отчетливая характеристика происходящего и в первой части, и далее в романе, где князь в каждой ситуации проникает в самую суть происходящего, прямо, без экивоков ее высказывает — и именно за это получает в очередной раз прозвание *идиота*.

Еще для одной вызывающей недоумение романной линии обнаруживается если не глубинное объяснение, то во всяком случае исходное начертание. Агриппа пишет: «А также в Ветхом Завете Сам Господь почтил осла; приказав, чтобы каждого первородного убили в жертвоприношении, он пощадил только *ослов* и *мужеский пол*, позволяя выкупить его за цену, а *осла* заменять *агнцем*» [12, с. 410]. Собственно, эта предписанная в Библии замена осла агнцем становится осью развития романного действия, в котором первоначально направленный на князя-идиота-осла-мужчину жертвенный нож Рогожина в конце концов обращается на Настасью Барашкову — по смыслу имени — воскресающего агнца (заметим, что по буквальному смыслу слов Агриппы женский пол не исключили из приносимого в жертву). Агриппа практически точно здесь цитирует Исход, хотя сразу предлагает и свое толкование (подобного которому мне нигде не встречалось), поэтому я все же приведу цитату: «а всякого из ослов, разверзающего *утробу*, заменяя агнцем; а если не заменишь, выкупи его; и каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупей» (Исх. 13: 13). Толкование на это место, естественно и очевидно связывающее агнца, заменяющего собой первенца-осла, со Христом, принадлежит Кириллу Александрийскому: «**Всякое разверзающее утробу ослю** переменяется на овцу. Какое основание сего? Осел по закону есть нечистое и скверное животное, а овца — чистое, поэтому и приносится вместо осла. Чрез это опять закон образно указывает нам на то, что и скверное чрез Христа делается святым, и нечистое — чистым, и неприятное — приятным. Поелику мы были грешны и нечисты, то Он сам соделался за нас Святою Жертвою и приношением в воню благоухания; потому что Он умер за грешников, праведник за неправедных, чистый за нечистых, подобно тому как овцой заменялся осел» [19]. Большинство же других толкований делает акцент на замене нечистого животного (осла) животным, подходящим для жертвы, — и никто так прямо не связывает осла с человеческим первенцем, сделав при этом ударение на почитании Господом осла, а не на его скверности, как Агриппа.

В дополнение к сказанному надо отметить еще и эпизод, когда так тесно отождествившийся с ослом Мышкин после принятия на себя пощечины-поругания вместо другого, буквально заместив другого, подставившись вместо него, — в этот именно единственный момент называется Рогожиным «овцой»¹⁵.

Само пробуждение к осознанной и деятельной жизни Мышкина под крик осла комментируется словами Агриппы: «И это животное — о чем идет непрестанная слава — Христос пожелал сделать свидетелем своего рождения» [12, с. 410].

Поминаемая Агриппой поговорка: «Осел везет на себе таинства» [12, с. 410] — также имеет прямое отношение к объяснению того, кто такой Мышкин.

Следующий абзац Агриппы, упоминая кумского осла (осла в львиной шкуре), напрямую связывает осла со львом и объясняет смысл присутствия в разговоре об осле в «Идиоте» отсылки к Апулею (кроме очевидно пророческого по отношению к Аглае, влюбившейся в осла, но желающей при этом, чтобы осел был ученым, смысл становится характеристическим для Мышкина — осла, получившего высшее посвящение): «Поэтому желаю ныне предупредить вас, выдающиеся учителя наук, подлинные кумские ослицы, что если вы не сбросите бремена человеческих наук и не снимете позаимствованную львиную шкуру — не того льва, что из колена Иудина, но того, который ходит вокруг и ищет, кого бы пожрать, — то не станете вновь нагими и чистыми ослами, годными для несения таинств божественной мудрости. Апулей Мегарский никогда бы не был допущен к священным таинствам Исиды, если бы прежде не обратился из философа в осла» [12, с. 411].

Далее Агриппа упоминает, что осел — единственное из животных, поминаемое в церкви как воскресенное из мертвых, «и из этого великого чуда показано, что осел и после этой жизни участвует в бессмертии» [12, с. 412], и продолжает: «<...> из уже сказанного светлее солнца явствует, что нет животного столь же восприимчивого к божественности, как осел, в коего если не обратитесь, то не сумеете нести божественные таинства. Некогда у римлян христиан было принято именовать словом *asinarii* (ослы), и сам образ Христа они имели обычай украшать ослиными ушами, о чем свиде-

¹⁵ « — И будет каяться! — закричал Рогожин, — будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил!» [15, т. 8, с. 99].

тельствует Тертуллиан» [12, с. 412]. И опять обращаясь в конце к противостоянию науки и глубины, постигаемой верой, говорит: «Так эти религиозные идиоты своим ослиным раскатом превосходят и затыкают за пояс всех красноречивейших софистов» [12, с. 413].

Таким образом, если мы обращаемся к тексту Агриппы, то вместо «таинственного» названия романа, разгадыванию которого исследователи и комментаторы посвятили немало усилий, у нас оказывается прозрачное по значению название, задающее к тому же программу хода романного действия в самых «странных» (в том случае, если мы не учитываем текст Агриппы) его поворотах.

Заметим, что Достоевский, находя невозможным прямо упомянуть книгу Агриппы или хотя бы название ее самой знаменитой главы, тем не менее включает это название в самый текст романа *описательно*. И это указание более чем очевидно для тех, кто знаком с сочинением Агриппы (т. е. для определенного — и, видимо, немалого — круга читателей, на наличие которых Достоевский, безусловно, рассчитывал). Посмотрим, как он это делает.

По непонятной причине — если только это не значимая для автора отсылка — рассказом об осле начинается исповедание веры и философии Мышкина, отвечающего на вопрос о своей жизни в Швейцарии в гостиную Епанчиных.

После нескольких строк о своем начальном оцепенении, чуждости всего окружающего, нестерпимой грусти и мраке, князь говорит:

Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. *Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе вдруг в моей голове как бы всё прояснело.*

— *Осел? Это странно*, — заметила генеральша. — А впрочем, ничего нет странного, иная из нас в осла еще влюбится, — заметила она, гневно посмотрев на смеявшихся девиц. — Это еще в мифологии было. Продолжайте, князь.

— С тех пор *я ужасно люблю ослов*. Это даже какая-то во мне *симпатия*. Я стал о них расспрашивать, потому что прежде их не видывал, и тотчас же сам убедился, что это *преполезнейшее животное, рабочее, сильное*,

терпеливое, дешевое, переносливое; и чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться, так что совершенно прошла прежняя грусть.

— Всё это очень странно, **но об осле можно и пропустить; перейдемте на другую тему.** Чего ты всё смеешься, Аглая? И ты, Аделаида? Князь прекрасно рассказал об осле. Он сам его видел, а ты что видела? Ты не была за границей?

— Я осла видела, татап, — сказала Аделаида.

— А я и слышала, — подхватила Аглая. Все три опять засмеялись. Князь засмеялся вместе с ними.

— Это очень дурно с вашей стороны, — заметила генеральша. — Вы их извините, князь, а они добрые. Я с ними вечно бранюсь, но я их люблю. Они ветрены, легкомысленны, сумасшедшие.

— Почему же? — смеялся князь. — И я бы не упустил на их месте случай. **А я все-таки стою за осла: осел добрый и полезный человек.**

— А вы добрый, князь? Я из любопытства спрашиваю, — спросила генеральша.

Все опять засмеялись.

— Опять этот проклятый осел **подвернулся;** я о нем и не думала! — вскрикнула генеральша. — Поверьте мне, пожалуйста, князь, я без всякого...

— Намека? О, верю, без сомнения! <...>

— Продолжайте, князь. **Может быть, что-нибудь и поинтереснее осла вспомните.**

— Я опять-таки не понимаю, как это можно так прямо рассказывать, — заметила опять Аделаида, — я бы никак не нашлась.

— А князь найдется, потому что князь чрезвычайно умен и умнее тебя по крайней мере в десять раз, а может, и в двенадцать. Надеюсь, ты почувствуешь после этого. Докажите им это, князь; продолжайте. **Осла и в самом деле можно наконец мимо.** Ну, что вы, кроме осла, за границей видели? [15, т. 8, с. 48–49]

Перед нами восторженная **похвала** Мышкина **ослу**, многократными репликами генеральши Епанчиной маркированная как нечто лишнее, как **отступление**. То есть, по сути, Достоевский этой сценой прямо **прописывает** название главы книги Агриппы в своем тексте. При этом этому **вызывающему общий непрестанный смех** обсуждению осла, которое «мож-

но мимо», вместо которого лучше «что-нибудь и поинтереснее» и которое «лучше пропустить», автор, очевидно, стремится обеспечить повышенное внимание читателя, — и если только читатель с книгой Агриппы (или хотя бы с самой знаменитой ее главой) знаком, то, конечно, не программа всего романа — но по крайней мере замысел о герое оказывается ему предоставлен автором открыто, с самого начала объяснения тем своей философии.

Таким образом, два первых романа Достоевского фундированы книгами Агриппы, вписанными в них разным, но сходным образом: с максимальным присутствием *смешного* в обеих «ссылках». Если роман «Преступление и наказание» должен прочитываться как свидетельство несокрушимой силы женщины, выбирающей путь самоотдачи и способной вывести мужчину из самого страшного уклонения ума, — и потому он фундируется книгой «О достоинстве и превосходстве женского пола», то исходный замысел романа «Идиот», обращенного к людям, привыкшим ставить превыше всего ум и ученость, презрительно пренебрегающим Евангелием и духовными книгами своей веры¹⁶, полностью и прозрачно объясняется «Речью о недостоверности и тщете наук и искусств», особенно ее тремя последними главами и заключением, где прямо говорится о том, почему именно идиот, невежественный и осел способен быть носителем и глашатаем слова Божия.

16 Это постоянная боль и забота Достоевского. В «Дневнике писателя» она высказывается впрямую. Говоря о идеалах народа, которые «сильны и святы», которые наградили народную душу «простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом» (заметим, что это прямо характеристики Мышкина — равно как и Пушкина — у Достоевского), он продолжает: «Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев, Феодосиев Печерских и даже про Тихона Задонского. А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» [15, т. 22, с. 43]. И далее говорит о необходимости «преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Миней» [15, т. 22, с. 45].

Список литературы

Исследования

- 1 Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Э, 2016. 512 с.
- 2 Касаткина Т.А. «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0712-0>
- 3 Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н. Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7>
- 4 Касаткина Т.А. Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23, № 3. С. 164–196. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15163>
- 5 Меерсон О.А. Скелетом наружу: система интертекстов как структура произведения вне его (Мотив трагедии «падшей» женщины в «Идиоте») // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2007. № 23. С. 85–106.
- 6 Подосокорский Н.Н. «Басни» И.А. Крылова в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-238-255>
- 7 Попова И.Л. Другая вера как социальное безумие частного человека. «Крик осла» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 149–164.
- 8 Тихомиров Б.Н. Из творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1986. № 2. С. 217–223.
- 9 Тихомиров Б.Н. «Лазарь, гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
- 10 Poel M. van der. The French Translation of Agrippa von Nettesheim's *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium: Declamatio as Paradox* // Translation and the Transmission of Culture Between 1300 and 1600 / ed. by J. Beer, K. Lloyd-Jones. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995. P. 305–329.
- 11 Yates F. *The Occult Philosophy in the Elizabethan Age*. London; New York: Routledge Classics, 2001. 255 p.

Источники

- 12 Агриппа Г.К. *Неттесгеймский*. О ненадежности и тщете мирских искусств и наук / пер. с лат., коммент. и вступ. ст. Д.А. Зеленина. СПб.: Центр содействия образованию, 2023. 490 с.

- 13 *Агриппа Г.К. из Неттесгейма*. Рассуждение о монашеской жизни. О благородстве и преимуществе женского пола. *Орсье Ж.* Агриппа Неттесгеймский. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2020. 126 с. (Серия «Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма. Новая серия, вып. IV»)
- 14 *Агриппа Г.К. Неттесгеймский*. Речь о достоинстве и превосходстве женского пола: философский трактат / пер. с лат. М. Шумилина. М.: Эннеагон Пресс, 2010. 64 с.
- 15 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 16 *Елисеев Г.З.* Внутреннее обозрение // Современник. Журнал литературный и (с 1859 года) политический, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1861. Т. LXXXVII, № 5. С. 53–88 (2-я пар.).
- 17 *Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)*. СПб.: Изд. Ф. Толля, 1863. Т. I: А – Двина. 801 с.
- 18 *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры: 1700–1863 г. СПб.: Ф. Павленков, 1892. 495 с.
- 19 Толкования на Исход 13: 13 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Ex.13:13&t> (дата обращения: 15.02.2026).
- 20 *Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim*. De incertitudine et vanitate scientiarum et artium, atque excellentia verbi Dei declamatio. Theodor Baum, 1575. URL: <https://archive.org/details/hin-wel-all-00002015-001/mode/2up> (дата обращения: 16.02.2026).
- 21 *Henri Corneille Agrippa de Nettesheim*. Sur l'incertitude, aussi bien que la vanité des Sciences et des Arts: en 3 tomes. Leyden: Theodore Haak, 1726. URL: https://www.google.ru/books/edition/HENRI_CORNEILLE_AGRIPPA_DE_NETTESHEIM_Su/W3JkAAAAcAAJ?hl=ru (дата обращения: 16.01.2025).

References

- 1 Berdiaev, N.A. *Russkaia ideia. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Russian Idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow, E Publ., 2016. 512 p. (In Russ.)
- 2 Kasatkina, T.A. "My budem — litsa..." *Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* ["We Will Be Faces/Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works], ex. ed. by T.G. Magaril-Il'iaeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0712-0> (In Russ.)
- 3 Kasatkina, T.A., Korbella, K., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [Books in the Book. The Role and Image of Books in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Idiot"], ex. ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7> (In Russ.)

- 4 Kasatkina, T.A. "Chelovek li zhenshchina? O 'smeshnoi i nevazhnoi' ssylke na zhurnal i knigu v 'Prestuplenii i nakazanii' Dostoevskogo" ["Is a Woman a Human Being? On the 'Funny and Unimportant' Reference to a Magazine and a Book in *Crime and Punishment* of Dostoevsky"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 23, no. 3, 2025, pp. 164–196. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15163> (In Russ.)
- 5 Meerson, O.A. "Skeletom naruzhu: sistema intertekstov kak struktura proizvedeniia vne ego (Motiv tragedii 'padshei' zhenshchiny v 'Idiot')" ["The Skeleton Outside: The System of Intertexts as the Structure of the Work Outside (The Motif of the Tragedy of the 'Fallen' Woman in *The Idiot*)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 23, 2007, pp. 85–106. (In Russ.)
- 6 Podosokorskii, N.N. "'Basni' I.A. Krylova v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["I.A. Krylov's *Fables* in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 238–255. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-238-255> (In Russ.)
- 7 Popova, I.L. "Drugaiia vera kak sotsial'noe bezumie chastnogo cheloveka. 'Krik osla' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Another Faith as the Social Folly of a Person. The 'Cry of the Donkey' in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2007, pp. 149–164. (In Russ.)
- 8 Tikhomirov, B.N. "Iz tvorcheskoi istorii romana F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie': (Sonia Marmeladova i Porfirii Petrovich)" ["From the Creative History of Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*: (Sonia Marmeladova and Porfiry Petrovich)"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1986, pp. 217–223. (In Russ.)
- 9 Tikhomirov, B.N. "Lazar', griadi von." *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* ["Lazarus, Come Out." *A Modern Reading of Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment." A Book–Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
- 10 Poel, Marc van der. "The French Translation of Agrippa von Nettesheim's *Declamatio de incertitudine et vanitate scientiarum et artium*: *Declamatio as Paradox*." *Translation and the Transmission of Culture Between 1300 and 1600*, ed. by J. Beer, K. Lloyd-Jones. Kalamazoo, Michigan, Medieval Institute Publications, 1995, pp. 305–329. (In English)
- 11 Yates, Frances. *The Occult Philosophy in the Elizabethan Age*. London, New York, Routledge Classics, 2001. 255 p. (In English)